(с. 213). Кроме того, в этом разделе излагается концепция постмодерна Лиотара и стратегии деконструкции Деррида.

Роман Викторович Светлов тоже пишет о различных версиях марксизма. Некоторые представители марксизма 5.0. критически исследуют различные понятия из философии Канта. Например, Грамши исследует категорический императив и говорит о том, что его универсальная реализация на самом деле не предполагает исторического контекста (с. 223). А Кодзин Каратани ищет точки соприкосновения между Кантом и Марксом и производит попытку адаптировать друг к другу этих мыслителей на поле этики, философии истории и проекта будущего (с. 224).

Завершает монографию раздел, посвященный современному взгляду Хабермаса на Канта. Дагмар Вали Герта Миронова показывает, что Хабермас использует наследие Канта, размышляя о вопросах философии истории и политической философии (с. 233). Она показывает, как Хабермас размышляет и над основными вопросами философии, поставленными Кантом, а также понятиями индивида, общества, прогресса, закона, права и правового государства в философии истории.

Институт философии РАН **А.В. Повечерова**
anastasiapovecherova@gmail.com

А.Н. Круглов. *Философия Канта в России*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 795 с. ISBN 978-5-9971-0817-5.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-121-131 УДК 1(091)

Книга Алексея Николаевича Круглова представляет результаты многолетних исследований рецепции и реакции на философию Канта в России. Философской публике хорошо известны монографии Круглова «Философия Канта в России

© Чалый В.А., 2025

в конце XVIII – первой половине XIX веков» (2009)[1], «Кант и кантовская философия в русской художественной литературе» (2012)[2], многочисленные статьи о русской кантиане[3], а также исследования и переводы из немецкой философии XVIII в.[4] и многие другие публикации. Новая работа привлечет внимание не только профессионалов, потому что может рассматриваться шире как история отечественной философии с кантовских времен до середины XX в., построенная вокруг ее взаимодействия с одной из главных линий западной философской мысли. Это взаимодействие дает проявиться идейным устремлениям и, как это ни парадоксально в связи с философией Канта, эмоциональным настроениям и предрассудкам разных эпох в России и обнаруживает в них не только различия, но и преемственность. Особенно интересны и поучительны сегодня сходства и различия дореволюционной и советской реакций на Канта, выявленные в предельном напряжении двух войн, в которых Германия оказывалась противником.

«Философия Канта в России» содержит предисловие, десять глав и обширную библиографию. В предисловии автор формулирует два общих тезиса, регулярно встречающихся в отношении предмета в литературе (как всегда в работах Круглова, тщательно изученной и описанной), которые не выдерживают критики фактами. Во-первых, неверно, что в конце XVIII – начале XIX в. кантовская философия не была известна в России, а то, что из нее было известно, было отечественной мысли «не по плечу» (с. 11). Возникновение и долгую популярность

---

[1] А.Н. Круглов, *Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков* (М.: Канон+, 2009).

[2] А.Н. Круглов, *Кант и кантовская философия в русской художественной литературе* (М.: Канон+, 2012). См. также И.О. Дементьев, Рецензия на книгу *Кант и кантовская философия в русской художественной литературе*, А.Н. Круглов, *Кантовский сборник* 35, № 2 (2013): 102–113.

[3] Например, А.Н. Круглов, «Раннее кантианство в России: И.В.Л. Мельман и И.Г. Буле», *Кантовский сборник* 32, № 2 (2010): 39–51.

[4] Например, А.Н. Круглов. *Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века* (М.: Феноменология-Герменевтика, 2008); И.Н. Тетенс. *О всеобщей спекулятивной философии*. Введение, перевод и примечания А.Н. Круглова, предисловие Н. Хинске (М.: Канон+, 2013).

этого тезиса автор связывает с недостаточным знакомством его сторонников с источниковой базой и опровергает с опорой на опубликованные и архивные материалы. Другой тезис касается второй половины XIX – начала XX в. и состоит в том, что русская философия из-за присущих ей онтологизма и особой религиозности отторгала Канта (с. 12). И здесь более внимательное и менее пристрастное знакомство с ситуацией, представленной теперь уже преимущественно опубликованными философскими работами, заставляет признать, что неприятие идей и фигуры Канта никогда не было доминирующим, а некоторая симпатия к его философии встречается и в религиозной мысли. Кроме того,

> не являются уникальными и русские «чертыхания» в адрес кантовской философии – они впервые возникли за пределами России еще при жизни Канта сначала в протестантской, а затем и в католической среде, но до русской православной среды они докатились лишь спустя полвека (с. 13).

Первые шесть глав книги содержат переработанный и дополненный материал из монографии 2009 г. Сначала читатель видит Канта в русском Кёнигсберге в период Семилетней войны, его взаимодействие с властями, контакты с русскими офицерами и высказывания о русской армии и культуре в целом. Последнее дает автору повод сопоставить встречные оценки фигуры и идей Канта русскими военными в царский, советский и постсоветский периоды – с малоприятными для нашего времени результатами. Пожалуй, основная общая мысль этой главы состоит в том, что «русский период» в жизни Канта почти не повлиял на его занятия и строй мысли, но в целом – и это признает большинство немецких исследователей, в их числе не симпатизирующие России – четыре года пребывания Кёнигсберга в составе Российской империи благотворно сказались на развитии городской жизни, а следовательно, по меньшей мере косвенно, и на жизни Канта. Изображения магистра Канта «угнетенным субалтерном» либо «предателем родины» равно лишены оснований и питаются лишь эмоциями и воображением их создателей. Так, уже в первой главе заявляет о себе то, что можно назвать разницей между рецепцией и реакцией, между попыткой понять

и испытать на прочность идеи и факты – и эмоциональной оценкой задевших сознание и часто преувеличенных либо вовсе выдуманных черт кантовской философии и личности. Справедливости ради следует сказать – и Круглов пишет об этом с многочисленными примерами, – что недюжинной способностью выдумывать и преувеличивать обладал и Кант, например, вынося суждения о нациях и расах или упрямо считая историческими фактами очевидную даже для его современников и корреспондентов нелепицу (например, с. 183–184).

Сравнительно небольшая, но важная вторая глава посвящена кантовскому участию в Санкт-Петербургской академии наук. Как и российское подданство в годы Семилетней войны, членство Канта в академии служит у нас поводом для некоторой гордости и основанием для апологий философа перед лицом недоброжелателей. Тем важнее понимать характер интереса к идеям Канта, послуживший основанием для его приглашения в число российских академиков. Свет на этот интерес проливают данная Канту рекомендация и фигура рекомендателя, состав комиссии, а также знакомство с пониманием прусскими властями того, что представлял собой профессор Кант.

В 1786 г., когда умер Фридрих II, Кант, впервые находясь на посту ректора Альбертины, должен был в сентябре на проходившей в Кёнигсберге коронации приветствовать нового короля от лица университетской корпорации. Когда в декабре король обратился к делам Королевской Прусской академии наук, столь важной для его предшественника, он принял в ее состав новых членов, в числе которых был Кант. Король сделал это вопреки меморандуму своего ближайшего советника, будущего министра юстиции и главы церковного департамента Иоганна Кристофа Вёльнера, предлагавшего не расширять круг академиков, которые

> не делают ничего, кроме как встречаются раз в неделю и либо читают вслух бесполезные трактаты, либо болтают друг с другом по нескольку часов[5],

[5] Adolf von Harnack, *Geschichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, Bd. 2 (Berlin: Verlag von Georg Stilke, 1900), 313.

и заставить уже набранных заниматься задачами по «строительству шоссе», «улучшению овец и шерсти» и «улучшению скотоводства, чтобы польские быки больше не были нужны»[6].

Автору рецензии не удалось обнаружить обоснований введения Канта в состав Прусской академии. Однако Круглов описывает причины уважения к Канту со стороны Карла Авраама Цедлица, предшественника Вёльнера, в 1786 г. еще сохранявшего полученные от Фридриха II полномочия по управлению народным просвещением и духовными делами, деятеля закончившегося «века Просвещения», уже очевидно и предсказуемо разошедшегося во взглядах с новым королем и его окружением. Это уважение было основано прежде всего на кантовских заслугах в области физической географии. Кант читал курс по физической географии практически с самого начала своего преподавания и был широко известен как специалист в этой новой и важной для государственного хозяйствования области (с. 101). В полном соответствии с этой репутацией Канта, рекомендация в Петербургскую академию, данная известным географом, автором «Описания всех народов Российского государства» Иоганном Готлибом (Иваном Ивановичем) Георги, после упоминания заслуг Канта в области «умозрительной философии», также указывает на то, что «“Физическая география”, над которой он уже давно работает, без сомнения, еще умножит славу этого престарелого философа»[7]. В комиссии, принимавшей решение о принятии Канта и дюжины других почетных академиков, помимо математика Иоганна Эйлера, заседали только исследователи природы, включая рекомендателя, которые вряд ли основывали свое суждение о Канте на критической философии (с. 103).

Третья глава посвящена русским свидетельствам о Канте. Сравнительно хорошо известные сюжеты с участием А.Т. Болотова в годы Семилетней войны и Н.М. Карамзина в 1789 г. дополнены здесь более поздними и более прямыми, чем в «Записках», эпистолярными замечаниями Болотова о Канте и воспоминаниями И.М. Муравьёва-Апостола, переводчика и дипломата,

---

[6] von Harnack, *Geschichte*, 314.

[7] Т.Н. Кладо и И.М. Раскин, «И. Кант и Петербургская Академия наук», в *Историко-астрономические исследования* (М., 1956), 2: 372.

посетившего Канта в 1797 г. Глава дает понять, что русские посетители Канта и люди, глубоко разобравшиеся в его идеях, принадлежат к непересекающимся множествам.

Четвертая глава рассказывает о двух первых переводах работ Канта на русский язык. Перевод «Основоположения к метафизике нравов» Я.А. Рубана вышел в 1803 г., еще при жизни Канта. Для сравнения, на латынь эта фундаментальная для кантианской этики работа была переведена в 1796 г.[8], первый английский перевод вышел в 1798 г.[9], а французский – в 1830[10]. Интересно, что Рубан, в те годы преподававший в Черноморском штурманском училище в Николаеве, был также автором «Математической географии, почерпнутой из достоверных писателей и в пользу юношества выработанной» (1802). Другой ранний перевод – «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» Р.М. Цебрикова, изданный в 1804 г. Выбор работы, который Круглов обоснованно связывает с персональными научными интересами Цебрикова, также не был необычным для эпохи реабилитации чувств и интереса к национальным нравам: например, французский перевод «Наблюдений» вышел в 1796 г.[11], английский – в 1799[12].

В новой книге существенно переработан и детализирован обзор и анализ первой половины XIX в., благодаря чему пятая и шестая главы читаются как летопись университетской

---

[8] «Constitutio metaphysices morum», in *Immanuelis Kantii Opera ad philosophiam criticam. Latine vertit Fredericus Gottlob Born. Volumen primum quartum Volumen primum, cui inest Critica rationis purae*, vol. 2 (impensis Engelhard Beniamin Schwickerti, 1797), http://archive.org/details/bub_gb_dOoGAAAAcAAJ.

[9] Immanuel Kant, «The Groundwork of the Metaphysic of Morals», in *Essays and Treatises on Moral, Political, and Various Philosophical Subjects*, trans. William Richardson, vol. 1 (printed for the translator; and sold by William Richardson, 1798), http://archive.org/details/essaysandtreati01kantgoog.

[10] Sophie Grapotte, «Zur Geschichte und zum aktuellen Stand der Kant-Übersetzungen ins Französische», in *Kants Schriften in Übersetzungen* (Meiner, 2020), 82.

[11] Grapotte, «Zur Geschichte Und Zum Aktuellen Stand Der Kant-Übersetzungen Ins Französische», 75.

[12] Immanuel Kant, «Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime», in *Essays and Treatises on Moral, Political, and Various Philosophical Subjects*, trans. William Richardson, vol. 2 (printed for the translator; and sold by William Richardson, 1799), http://archive.org/details/essaysandtreati00kantgoog.

и духовно-академической философии в России с пофамильными очерками воззрений ведущих профессоров. Среди множества благообразных сугубо университетских деятелей есть и возмутители спокойствия, такие как П.Я. Чаадаев и А.А. Герцен, и реакционер от образования М.Л. Магницкий. Дополнительный контекст восприятию Канта русскими религиозными философами придает очерк аналогичной рецепции в немецком протестантизме и католицизме, в котором поучительно выглядит сходство возражений и оценок, подрывающее тезис о протестантской сущности философии Канта.

Седьмая глава «Попытки «расширения» и «преодоления» И. Канта и кантианства на рубеже XIX–XX вв.» открывается анализом рецепции кантианства в философии В.С. Соловьёва. Автор признаёт, что эта тема остается недостаточно изученной, получающей взаимоисключающие оценки, и в книге может быть представлена лишь очерком. Однако и очерк предлагает обширный комплекс основных проблем, объединяющих и разъединяющих двух мыслителей. Главная новизна здесь состоит именно в комплексности взгляда, не ограничивающего диалог Соловьёва с Кантом известными и очевидными сюжетами. Образец анализа соловьёвского «преодоления» Канта предложен автором в отношении двух вопросов: роли и статуса познающего субъекта и «аморфизма» в этике. По мнению Соловьёва, Кант, справедливо оценив свою новацию как «коперниканский переворот», был, однако, ограничен теоретическим уровнем своей эпохи и, подобно абсолютизировавшим место Солнца астрономам, абсолютизировал статус познающего субъекта. Принимая и продолжая кантовскую аналогию, Соловьёв предлагает переосмыслить этот статус, релятивизировав его в соответствии с уточнившимися научными представлениями. Подобные по направленности проекты продолжают строиться и сегодня.

Следующая попытка преодоления Канта, рассмотренная в главе, принадлежит Л.М. Лопатину. Автор утверждает, что часто вменяемая Лопатину и его современниками, и нашими антикантианская позиция, действительно на первый взгляд звучащая в некоторых его высказываниях, на деле существенно сложнее. Лопатин, также вопреки сложившейся в литературе оценке, достаточно глубоко изучал кантовскую теоретическую

философию по первоисточникам и обращался к ней в своих лекциях и трактатах. При этом в теории познания Лопатин, как показывает Круглов, находился в диалоге с доминировавшим на тот момент неокантианским прочтением Канта, обнаружив ряд интересных идей, в частности критикуя кантовское резкое противопоставление аналитических и синтетических суждений. Этику Канта Лопатин оценивал в целом высоко, но подвергал критике в частностях, при этом частности – например, вторая формула категорического императива – были ему известны неточно и, как предполагает автор, по второисточникам.

Третий раздел седьмой главы посвящен интерпретации и критике кантовской теории познания Е.Н. Трубецким. Если Лопатин читает Канта со значительной помощью Шопенгауэра, то для Трубецкого проводниками становятся неокантианцы, которых он критикует и от которых вместе с этим зависит. Объяснение позиции Трубецкого сопровождается познавательными экскурсами в историю понятий для прояснения (и демонстрации недостаточной обоснованности) применения русским философом термина «гносеология» в отношении кантовской теоретической философии. И здесь, и в предыдущих случаях высокая оценка строя и глубины кантовской мысли, уважение к достижениям кёнигсбергского философа со стороны его критиков, их оригинальные находки сопровождаются почти курьезными недоразумениями терминологического и текстологического свойства, мешающими и расширению, и преодолению. Однако здесь читатель имеет дело со сложной философской рецепцией.

Ситуация меняется в следующей главе «Полемика о “милитаризме” И. Канта в период Первой мировой войны». Здесь предметом становится эмоциональная реакция, берущая верх над интеллектуальной рецепцией. Энтузиазм принадлежит к числу важных понятий кантовской философии: мы подвержены этому аффекту перед лицом великих идей и возвышенных исторических событий даже чудовищного типа[13], и эта подверженность

[13] Кант, И. *Антропология в прагматическом отношении*, в *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*, под ред. Н.А. Дмитриевой и др. Том 1 (Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024), 297.

есть знак предрасположенности человечества к моральному совершенствованию[14]. Эти соображения могут выступить некоторым оправданием страстного отношения к кантовской философии, описанного в данной главе. Автор показывает, что атаки на Канта в духе известного памфлета В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу» не были оригинальным и уникальным для русской философии явлением: буквально такие же сравнения независимо звучали, например, во Франции (с. 608). Нападки на «милитаризм» кантовского разума в годы войны, при всей их риторической изобретательности, не обладали концептуальной глубиной – наиболее яркие выступления принадлежат области литературы, а не философии (с. 611). Проницательные находки, такие как ассоциирование рациональности и концентрационных лагерей Н.М. Соколовым в 1904 г. (с. 602), не были развернуты в продуманные позиции. Как показало последующее развитие философии, размышления о связи между разумом и насилием действительно могут расширить понимание этих явлений. Да и сама история взаимодействия русской культуры с кантовской мыслью предлагает интересные иллюстрации к этому сюжету: достаточно вспомнить об уроках баллистики, пиротехники и фортификации, которые Кант давал русским офицерам в годы Семилетней войны. Автор, однако, призывает отвлечься от ярких образов и задуматься над гораздо менее известными, но более осязаемыми преломлениями идей кантовского «мирного проекта» во внешнеполитических инициативах России конца XIX – начала XX в., опровергающими и образ Канта-«милитариста», и убеждение о национальной ограниченности и принадлежности отстаиваемых им идей.

Девятая глава «Этика И. Канта в дискуссиях русских марксистов» посвящена не только собственно этике, но более широкой теме восприятия Канта в дореволюционном и советском марксизме. Вопросы этики, или, скорее, реакции на этику, рассматриваются в связи с концептуальным и политическим противостоянием «ревизионизму» – программе, нацеленной

[14] Кант, И. *Спор факультетов*, в *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*, под ред. Н.А. Дмитриевой и др. Том 2 (Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024), 330–333.

на прибавление к социально-экономическому учению Маркса кантианской этики и выработку реформистской программы как альтернативы революционному радикализму. Примечательно, что спорам русских марксистов во время Первой мировой войны не была свойственна эмоционально-образная экзальтация. Однако их теоретические усилия примирить марксистский материализм и классовую теорию с универсальной гуманистической нацеленностью кантовской этики к успеху не привели.

Десятая глава «Борьба с “фашистскими фальсификациями” немецкой классической философии в годы Великой Отечественной войны», помимо прочего, позволяет сравнить характер работы в военные годы с немецкой философией дореволюционных интеллектуалов и советских марксистов. Несмотря на отдельные выступления с критикой немецкой философии как предшественницы национал-социализма и даже несмотря на известные в СССР попытки нацистских идеологов как-то приспособить идеи Канта, общая позиция советских философов опирается на марксистский интернационализм и универсализм: сегодня не немцы, а мы наследуем всё лучшее, наиболее глубокое и прогрессивное в немецкой мысли, и в том числе в мысли Канта. Таков был посыл работ Г.К. Баммеля и В.Ф. Асмуса, написанных в рамках общей линии борьбы с «фашистской фальсификацией» немецкого идейного наследия. Другим центральным сюжетом главы оказывается знаменитое разбирательство вокруг третьего тома «Истории философии» в 1943–1944 гг. Завершается глава размышлением о современном понимании отношения немецкой философии и национал-социализма, которое существенно усложнилось и в концептуальном, и в фактическом отношении по сравнению с представлениями советских философов во времена войны.

Сквозь мозаику фактов и исторических суждений о смысле и ценности наследия Канта на читателя этой книги смотрит целое: наша философская культура, надежды и опасения которой мало изменились от времен знакомства с молодым Кантом до сегодняшних дней. Уважение к высоким устремлениям кантовской мысли и рациональный интерес к ее технологическим возможностям сочетается и чередуется в наших умах с негодованием и страхом чужого, а эмоциональные ассоциирования

Канта с вражескими идеями сопровождаются претензиями на обладание им как «трофеем». Философской публике запомнились и стрельба из-за Канта в ростовском пивном магазине, и обливание памятника Канту краской в Калининграде. Серьезность и страстность нашего отношения к великому философу не вызывают сомнений. Проявления наших эмоций настолько выразительны, что создают трудности для вынужденной соперничать с ними за внимание интеллектуальной работы. Однако работа ведется, и книга А.Н. Круглова задает в ней новый высокий ориентир.

МГУ имени М.В. Ломоносова **В.А. Чалый**
vadim.chaly@gmail.com

С.В. Луговой, отв. сост. и ред. *Образы Канта в Калининградском университете*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 313 с. ISBN 978-5-9971-0828-1.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-131-141 УДК 1(091)

В юбилейном 2024 г., когда весь мир отмечал 300-летие со дня рождения Иммануила Канта, вышел ряд посвященных ему книжных изданий. Среди них нельзя не упомянуть «Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии» в трех томах, изданные БФУ имени И. Канта под редакцией Н.А. Дмитриевой, А.Г. Жаворонкова, А.Н. Круглова и В.А. Чалого, и включающие ряд ранее не публиковавшихся на русском языке текстов. Это и первая часть кантовской «Физической географии», подготовленная музеем Мирового океана в том же Калининграде. По заказу калининградского Кафедрального собора на острове И. Канта вышла в свет книга В.В. Балановского – «Кант. Просто», представляющая собой

© Румянцева Т.Г., 2025